

DOI: 10.15393/j9.art.2008.286

Т. А. Бабкина*

Москва

**БИБЛЕЙСКИЙ ЭПИЗОД
О ТРЕХ ИСКУШЕНИЯХ ХРИСТА
КАК ТЕМА ДИАЛОГА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
И В. А. АЛЕКСЕЕВА**

Письма занимают немалое и притом очень важное место в наследии Федора Михайловича Достоевского. Среди них много не только случайных, деловых, написанных по тому или иному частному поводу, но и обширных писем, где Достоевский делится с корреспондентами своими заветными замыслами, сокровенными личными переживаниями или вдохновенно формулирует важнейшие пункты своих исторических, философских, нравственных и художественных воззрений.

В последние годы жизни Достоевского круг его корреспондентов существенно меняется и расширяется. Порожденная «Дневником писателя» переписка с читателями сталкивала его лицом к лицу со жгучими проблемами, волновавшими русских людей.

«Дневник писателя» имел большой успех. В Петербурге в четыре дня разошлись три тысячи экземпляров первого выпуска. В первые три месяца издания «Дневника» он получил «отовсюду очень много писем, подписанных и анонимных, все сочувственные. Иные писаны чрезвычайно любопытно и оригинально,

* Бабкина Т. А., 2008

и к тому же всех возможных существующих теперь направлений»¹.

Л. А. Ожигиной Достоевский писал:

Я получил сотни писем из всех концов России и научился многому, чего прежде не знал. Никогда и предположить не мог я прежде, что в нашем обществе такое множество лиц, сочувствующих вполне всему тому, во что я верю (III, 284).

Писатель вдумчиво и внимательно относится к письмам этих своих новых, подчас безвестных корреспондентов, принадлежащих к разным классам общества, представителям разных национальностей, профессий, идеологических направлений, их личным и общественным нуждам.

В фондах Достоевского хранится около двухсот писем от читателей «Дневника писателя». Многие письма содержат восторженные отзывы, в других критикуются высказывания Достоевского. Многие корреспонденты ставят перед писателем волнующие их вопросы.

Одним из таких корреспондентов стал Василий Алексеевич Алексеев, который в период знакомства и переписки с Достоевским был солистом в оркестре Мариинского театра. Алексеев страстно любил музыку, а также увлекался литературой, причем Достоевский был его самым любимым писателем.

Свое первое письмо к нему Алексеев написал в связи с публикацией в «Дневнике писателя» за май 1876 года статьи «Одна несоответственная идея» (II гл.), посвященной самоубийству Н. Писаревой.

В ней Федор Михайлович описывает свои впечатления от посещения Петербургского воспитательного дома и,

размышляя о будущем воспитываемых там детей, обращается к частым тогда в Петербурге фактам самоубийств, особенно среди учащейся молодежи, специально — женской.

В качестве примера рассказывает о письме девицы, приведенном в газете «Новое время». Молодая девушка, уехав от родителей, поступила в акушерки. Сама она свидетельствует в письме, что не нуждалась вовсе и могла довольно зарабатывать, но что очень устала, устала так, что ей захотелось отдохнуть.

«Где же лучше отдохнешь, как не в могиле?»²

¹ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 4 т. Т. III. «Письма». Госполитиздат. М., 1928—1959. С. 207. Далее цитирую по этому изданию с указанием тома римской цифрой и страницы — арабской.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1981. Т. 3. С. 25.

431

Все письмо этой бедной девушки, по словам писателя, дышит брюзгливой и нетерпеливой усталостью, брезгливым и циничным неверием.

Но что же так заинтересовало Федора Михайловича?

Это та важность, приданная не раскаянию, не прощению, а деньгам и, по его словам, может быть, последний отзыв главного предрассудка всей жизни «о камнях, обращенных в хлебы».

...те-то деньги чтоб не взяли родные, те-то Петровой, 25 рублей, которые дали мне Чечоткины на дорогу, отвезите им³.

В. А. Алексеев писал Достоевскому:

Позвольте Вас спросить, что Вы хотите сказать... упоминая часто слова Евангелия о камнях, обращенных в хлебы. Это было предложено диаволом Христу, когда он его искушал, но камни не сделались хлебами и не обратились в пищу, и затем нигде не говорится в Евангелии о камнях, обращенных в хлебы⁴.

Ф. М. Достоевский, со свойственной ему аккуратностью, немедленно, невзирая на только что бывший с ним припадок эпилепсии, ответил своему корреспонденту:

«Камни и хлебы» значит теперешний социальный вопрос, среда. Это не пророчество, это всегда было⁵.

При этом проблема «обращения камней в хлебы» трактуется в письме вполне драматически, так что философская идея облечена здесь в художественную форму.

Святой Киприан писал:

Через искушение Иисуса Христа в пустыне, божественная премудрость прежде всего желала примером наставить учеников и предоставить доказательства тому, что искушения победимы, чтобы слышала, видела человеческая разумность, как она была бы непреодолима и какою была бы победительницею греха, если бы свободная воля всегда сохраняла свою истинную свободу⁶.

Опираясь на высказывание Святого, Достоевский понимал искушения как, прежде всего, самоиспытание, самоопределение или решение. Искушения диаволом в пустыне были приготовлением Иисуса к Его великой миссии.

³ Там же.

⁴ См.: *Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 2. С. 249.

⁵ Там же. С. 85.

⁶ *Тареев М. М.* Испытания господина нашего Иисуса Христа. Комментарий / Печатня А. И. Снегиревой. М., 1900.

432

Они являлись началом той победы над дьяволом, которая продолжалась все время.

Ф. М. Достоевский прошел долгий путь к принятию этой истины.

1847—1849 годы — кружок петрашевцев и идеи социализма.

Вот как описывал Достоевский в 1856 году в письме к брату своего товарища по Инженерному училищу Э. Тотлебену, герою Севастопольской обороны, свое моральное состояние в те годы:

Я был два года сряду болен болезнью странною, нравственною. Я впал в ипохондрию. Было даже время, что я терял рассудок. Я был слишком раздражителен, с впечатлительностью, развитою болезненно, со способностью исказить самые обыкновенные факты и придавать им другой вид и размер (III, 178).

1849 год — арест, казнь, Сибирь.

На каторге, обдумывая собственную жизнь, узнавая ужасные, трагические судьбы окружающих, Достоевский все яснее понимал, что «зло таится в человечестве глубже, чем предполагают лекаря-социалисты» и никакое устройство общества само по себе не исправит этого зла.

Когда-то в детстве, в деревне, маленький Федя, гуляя за оврагом, был напуган криком: «Волк!» — и в ужасе помчался прочь. Его остановил, успокоил и приласкал пахавший в поле мужик Марей, о котором он вспоминал на каторге. Глядя на страшные лица каторжников, Достоевский

понял, что одним из них вполне мог быть тот же самый Марей.

Я вдруг почувствовал, — вспоминал позднее Федор Михайлович, — что могу смотреть на этих несчастных совсем другим взглядом⁷.

В каждом человеке, если смотреть на него не сверху вниз, не со страхом, злобой или презрением, а с любовью, как на брата, можно увидеть образ Божий. Все понятное и пережитое в эти четыре года каторги во многом изменило мировоззрение автора-писателя, определило дальнейший творческий путь.

«Общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы —

⁷ Гус М. Идеи и образы Ф. М. Достоевского. М., 1971. С. 138.

ничего не основывается...»⁸ Так размышлял писатель в подготовительных материалах к «Подростку», да и в других своих произведениях.

Фоном, на котором разворачиваются события в его произведениях, становится вся мировая история и все то, о чем повествуется в Евангелии.

Тема искушения проходит и в романе «Идиот», где писатель пытается создать христианский идеал, который воплощен в герое, князе Мышкине. Искушаемый «блудной страстью», страстью тщеславия, он остался разумен, предан долгу и непоколебим в убеждениях. Князь стремится помочь всем, ответить на ожидание всех. И каждый думает, что Мышкина Бог послал именно ему. Однако князь всего лишь

человек и не может помочь всем. Спасти всех может только Бог. Но почти у каждого, кто соприкоснулся со светлым образом главного героя романа, остались неизгладимый след в душе и память о том, что человек может быть и таким — отдавшим всего себя ближним.

Достоевский верил, что «люди могут быть прекрасны и счастливы» не только в загробной жизни, но и «не потеряв способности жить на земле». Если человечество поймет и увидит, как оно прекрасно, наступит золотой век. Но в одночасье этого случиться не может. Нужен долгий труд, упорная духовная работа.

Алеша Карамазов (герой романа «Братья Карамазовы»), в отличие от князя Мышкина, «земной» и здоровый человек. Он не претендует на то, чтобы кого-то спасти, понимая и собственное несовершенство, и то, что надо лишь помогать людям самим найти верный путь, справиться с грехом.

Искренне верующему Алеше противостоит его брат Иван, восставший против Бога, потому что в мире слишком много зла. Как же Бог допускает это? Будущее счастье всего человечества, утверждает Иван Карамазов, не стоит одной «слезинки ребенка». Но всей системой образов романа Достоевский показывает: дети страдают от зла, порожденного человеком, а не Богом. Бог наделил человека свободой, а значит и ответственностью⁸.

Н. А. Бердяев, философ и публицист, проповедовавший «новое религиозное сознание», в своей статье «Великий инквизитор» говорит о том, что тема трех искушений актуальна,

⁸ Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л., 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 248

⁹ Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1927. № 5. С. 197.

что именно в этих трех вопросах совокуплена в одно целое и предсказана история человечества и явлены три образа, в которых сойдутся все неразрешимые исторические противоречия человеческой природы на всей земле:

1-е искушение — социализм;

2-е искушение — отрицание абсолютной ценности совести, свободы выбора;

3-е искушение — соблазн властью.

В предсмертном письме Писаревой Достоевский усмотрел настроения, по его мнению, характерные для молодежи, проповедующей идеи социализма.

Писарева училась и якшалась с новейшей молодежью, где дела нет до религии, а где мечтают о социализме, то есть о таком устройстве мира, где прежде всего будет хлеб и хлеб будет раздаваться поровну...¹⁰

Вспоминая 1-е искушение Христа, Достоевский, как бы ведя диалог с Алексеевым, говорит о том, что с доводами дьявола трудно не согласиться. Накорми «и тогда уже спрашивай с них греха. Тогда, если согрешат, то будут неблагодарными, а теперь — с голоду грешат. Грешно с них и спрашивать»¹¹.

Далее писатель размышляет о социализме в Европе, настроениях, связанных с уходом от веры в Христа.

Как же эти суждения соотносятся с самоубийством Писаревой?

«Не хлебом единым жив человек». Дьяволова идея могла подходить только человеку-скоту. Идеал красоты, духовная жизнь — вот основа возрождения человека.

Без них затоскует человек, умрет, с ума сойдет, убьет себя или пустится в языческие фантазии.

Не это ли произошло с упомянутой девицей? В первом послании коринфянам апостола Павла говорится:

Когда Христианин все упование свое возложит на Бога, тогда душа его освобождается от искушений¹².

Усталость, скука, цинизм, неверие, уход от Бога — вот что довело ее до убийства самой себя. В письме также упоминается учение Дарвина о происхождении человека,

¹⁰ Достоевский Ф. М. Поли. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 2. С. 86.

¹¹ Там же. С. 84.

¹² Закон Божий. Четвертая книга о православной вере. М.: Терра, 1991. С. 199.

435

с которым Достоевский полемизировал в набросках памфлета «Офицер и нигилистка», в «Дневнике писателя» за 1873 год, в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы».

Из письма Достоевского Алексееву:

Если б дело шло только об одном утолении голода Христу, то к чему было бы заводить речь о духовной природе человека вообще? И некстати, да и без дьяволова совета Он мог и прежде достать хлеба, если б захотел. Кстати: вспомните о нынешних теориях Дарвина и других о происхождении человека от обезьяны. Не вдаваясь ни в какие теории, Христос прямо объявляет о том, что в человеке, кроме мира животного, есть и мир духовный. Ну и что же — пусть откуда угодно произошел человек (в Библии вовсе не объяснено, как Бог лепил его из глины, взял от земли), но зато Бог вдунул в него дыхание жизни

(но скверно, что грехами человек может обратиться опять в скота)¹³.

Письмо Достоевского Алексею — это важнейший документ из предистории формирования философско-эстетической проблематики романа «Братья Карамазовы», раскрытой в главе «Великий инквизитор».

Дело в том, что в статье «Одна несоответственная идея» («Дневник писателя» за май 1876 года, II гл.) Достоевский с горечью говорит о бездуховности современной молодежи. Все построено на материальном. Уход от Бога — вот в чем заключена трагедия человечества. Отсюда цинизм, неверие и, как следствие, частые случаи самоубийств (история Н. Писаревой).

Поэма Ивана Карамазова — исповедь Великого Инквизитора, потерявшего веру в Бога. Герой методично разбирает все три искушения Иисуса Христа. Его речь безжалостна. Он обвиняет Иисуса за свободу выбора, данную им людям, за веру в великую силу души.

Никакая наука не даст им хлеба, пока они будут оставаться свободными, но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас»¹⁴.

Рассказывая историю Натальи Писаревой в своем «Дневнике» и полемизируя в письме с Алексеевым, Достоевский хочет донести главную мысль: Бог наделил человека свободой, а значит, ответственностью; и нет такого зла в мире, ответственность за которое можно с себя снять: ибо «все

¹³ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 29. Кн. 2. С. 85.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 12 т. Т. 11. М., 1982. С. 290.

как океан, все течет и соприкасается, в одном месте тронешь — в другом конце мира отдается». Но ни Иван Карамазов, ни Н. Писарева не захотели принимать ответственности и возлагали вину и за совершающееся вокруг, и за творимое ими самими зло на других людей, на Бога.

Это позволяет считать, что именно диалог Достоевского с Алексеевым положил начало дискуссии на тему трех искушений Иисуса Христа в романе «Братья Карамазовы».

В. С. Соловьев, философ и поэт, говорил о Достоевском как о предтече будущего религиозного, теургического искусства (Теургия — буквально «благодеяние», «боготворчество»). По Соловьеву, это осуществление Божественной воли, признанное одухотворить действительную жизнь и воплотить в ней христианские идеалы добра, истины и красоты.

Христороликость положительных героев романиста поражает. Чарующий лик Христов — сердцевина их сознания. Они живут Им, чувствуют Им, мыслят Им. Через этих героев Достоевский переживает жизнь во всей ее полноте, в которой вечные истины и вечные радости сливаются в едином синтезе, которому нет конца.